

ГЛАВА 9.

Получив от Алекса несколько истерических звонков, который спрашивал меня снова и снова, когда же наконец вернется Хой, однажды я удостоилась от него приглашения на Воскресный маркет.

– Помнишь, я рассказывал тебе о Сумали и ее израильском друге, Шломо? Так вот, они вернулись из Филиппин и остановились у меня. Можно всем вместе сходить на рынок.

– Прекрасно звучит, – сказала я ему.

Я была уверена, что он пригласил меня только для того, чтобы хоть с кем-то поговорить о Хой. Ясно было, что у него поехала от нее кукушка. Это меня устраивало.

Сумали, я вспомнила, была той, у которой, как надеялся Алекс, Хой будет учиться быть «леди». Он повстречал Сумали, когда она путешествовала по Северу с тридцатидевятилетним датчанином, с которым познакомилась в баре, где работала. Она ушла из бара, когда этот человек попросил, чтобы она провела с ним оставшуюся часть его отпуска. Когда Алекс узнал, что датчанин уехал, он предложил Сумали, которая была родом из Бангкока и имела два года колледжа за плечами, пожить у них в квартире и помочь обучить хорошим манерам Хой. Через неделю после того, как она поселилась, Алекс поехал на месяц в Индию. Он оставил 6000 батов для них обеих, но они потратили все за две недели. Когда деньги закончились, Сумали пошла работать на Патпонг. Тогда-то она повстречала Шломо и ушла из бара. Сумали и Шломо знали друг друга два месяца. Во время их поездки на Филиппины Шломо сделал ей предложение руки и сердца.

Это было обычное явление – вот еще один иностранец был очарован тайской красоткой из бара. Некоторые женились на них; другие возвращались в родные страны и посылали им деньги в течение многих лет, чтобы поддерживать их. Сумали принадлежала к тому маленькому проценту тайцев, который придерживался исламской веры. Она была мусульманкой, а Шломо евреем. Эта была странная пара, на которую мне бы хотелось посмотреть.

Я взяла рикшу и поехала к Алексу, он был в небольшой гостиной. Он отдал свою спальню Сумали и Шломо.

– Есть какие-нибудь новости от Хой? – спросила я.

Он покачал головой, как подстреленная птица. Затем он позвал Сумали и Шломо, чтобы познакомить их со мной. Сумали носила подстриженные до плеч волосы и была одета в джинсы. Смотрелась она больше как житель Бангкока среднего класса, чем проститутка Патпонга. Она вела себя с достоинством и умела красиво держаться. Я поняла, почему Алекс хотел, чтобы она научила матерям Хой. Широкоплечий и мускулистый, Шломо был похож на типичного израильянина после завершения армейской службы. На Коа Сан Роуд, в бангкокском районе для малобюджетных путешественников, сновали орды таких израильян. Это были бывшие сорвиголовы, а теперь, после армии – патриоты. Шломо было двадцать три года, а Сумали – двадцать два. Глаза Шломо восхищенно следили за Сумали, когда она обувалась, чтобы выйти из квартиры. Хотя Сумали смотрела на него нежно, в ней не было ответной любовной жажды.

Мы пошли на Воскресный маркет, гигантское событие, которое проходило каждую субботу и воскресенье под навесами в парке Чатучак на окраине Бангкока. Толпы людей мешали нормальному движению, и от этого мы двигались еле-еле. Мои светлые волосы и европейский вид Алекса выделяли нас из толпы, помогая нам не потеряться. Впереди шел высокий Шломо, а мы держались позади. Шломо держал за руку Сумали.

Мы протискивались сквозь ряды кустарных изделий какого-то горного племени, проходили мимо вонючих гор фиолетовой рыбной пасты. В рядах с живыми животными детеныш орангутанга смотрел на нас печальными глазами, вытянув руку сквозь клетку решетки.

– Они сначала убивают мать, чтобы поймать детеныша, – прокомментировал Алекс.

– Это так негуманно. Такие охотники должны сидеть в тюрьме.

– Браконьеров сажают в тюрьму и штрафуют, – сказала Сумали на превосходном английском. – Но они бедны и у них нет выбора. Также незаконно транспортировать животных через границы. Этот маленький приятель приехал с острова Борнео. Иногда, чтобы выжить, людям приходится делать такие вещи, которые они не хотят делать.

– Посмотрите на этого, – сказал Шломо, показывая на молодого гиббона, тыкающимся носом в его кулак.

– Ай, – воскликнул Алекс.

Когда мы остановились возле коробки с борющимися жуками, я встала рядом с Сумали, чтобы лучше познакомиться с нею. Группа тайцев подстрекала жуков драться друг с другом.

– Ты из Бангкока? – спросила я ее.

– Да, у моей семьи здесь есть два дома.

– Где ты познакомилась с Шломо?

– В Memphis Queen.

– Тебе нравилось работать там?

– Там несправедливо платили. Когда я уходила с мужчиной, то получала 500 батов, а бар получал свои 300.

Жуки хватали и отрывали грозные, внушающие страх клешни друг у друга. Алекс стоял в стороне, наблюдая за аквариумом с бойцовыми рыбами. Шломо нахмурился и предложил, чтобы мы пошли куда-нибудь, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Иностранцы, не привыкшие к жаре Бангкока, часто останавливались, утоляя жажду напитками. Мы протиснулись сквозь толпу покупателей к одинокой колонне, где стояла лавка с соками.

Когда мы сели за пустой стол, я спросила Сумали:

– Тебе нравятся Филиппины?

– Покажи ей фото, которые мы сделали, – сказал ей Шломо. Я заметила, что он все еще держал ее за руку, даже несмотря на то, что в ней был стакан.

– Я оставила их дома.

– Я хотел взять Сумали в Японию, – сказал Шломо мне. – Но они не дадут ей визу.

Было шумно, и только я могла услышать шепот Алекса:

– Тайским женщинам почти невозможно получить визы в большинство стран. Все считают, что тайки ездят работать проститутками. Мир думает, что все тайские женщины – шлюхи.

– Японское посольство замучило нас множеством препон, – продолжил Шломо. – И ничего не вышло. Сначала они сказали, что у Сумали должно быть 500 долларов в дорожных чеках. Я купил для нее эти чеки, но затем они сказали, что она не может получить визу, пока не пройдет полгода после получения тайского паспорта. Ее паспорт был выпущен только месяц назад. Я хотел взять ее в Израиль, но израильское посольство также не хочет давать ей визу. Они сказали, что мы должны быть женаты.

– Поэтому мы и планируем пожениться в следующем месяце, – сказала Сумали. – Вы приглашены к нам на свадьбу.

– Это будет мусульманская церемония, – объяснил Алекс, – из-за семьи Сумали.

– Тогда мы сможем поехать в Израиль, – добавил Шломо.

– Может, Сумали найдет работу официанткой в Тель-Авиве. Через шесть месяцев она сможет выучить иврит. Она уже знает несколько слов. Покажи, как ты можешь говорить на иврите, – стал просить ее он, словно хвастливый отец.

– Шалом. Кан. Ло. Лехаим! (Здравствуйте. Да. Нет. За жизнь!) – произнесла она..

Шломо выглядел довольным.

– Так ты думаешь, что тайцы-фаранги смогут работать? – спросила я.

– Уверен. Почему нет?

– А что ты думаешь насчет тайца и женщины-фаранга?

Тут Алекс и Шломо сделали гулкие звуки горлом.

– Это разные вещи и кардинально меняет дело.

– Нет. Я так не думаю. Забудьте об этом.

Сумали сидела молча.

– В Таиланде мужчина по статусу намного выше, чем женщина, – сказал Шломо. – Женщина-фаранг никогда не станет такой же.

– Человек никогда не меняется, – добавил Алекс. – Невозможно.

– Пойдемте, я хочу познакомить вас с другом, который работает здесь на рынке, – сказал Алекс, вставая и расплачиваясь за наши лимонады. – Надеюсь, что смогу найти его.

Мы потащились назад через крошечные проходы, рассчитанные максимум на двоих человек, но туда втискивались четверо-пятеро, плюс множество продавцов товаров, которые раскладывались как раз в тех местах, где уже всего. Похоже, Алекс часто навещал своего друга на рынке, и сразу привел нас прямо к его палатке. Наполовину таец, наполовину китаец, друг Алекса продавал старинные часы и безделушки. Ему помогала его тайская подруга. Они оба были одеты в джинсы. Импортные и дорогие, они свидетельствовали об их высоком статусе. Она выглядела еще более классной, чем Сумали.

– Она уезжает в следующем месяце в университет, в Японию, – сказал мне Алекс.

Это означало, что она принадлежала к состоятельному меньшинству тайского общества. У этих женщин было больше свободы, чем у их собственного народа, они могли ездить за границу и перенимали иностранный образ жизни.

Тайско-китайский друг Алекса был живым и дружелюбным. Он показал нам замысловатую зажигалку и предложил поехать в чайнатаун на один день.

Несколько дней спустя я взяла трубку звонившего телефона и услышала быстрое тайское бормотание.

– Вы ошиблись номером, – сказала я на английском языке, раздражаясь на телефонистку, которая, наверное, неправильно меня подключила.

Голос залепетал быстрее.

– Неправильный номер! – повторила я и повесила трубку.

Несколько секунд спустя снова зазвонили. На сей раз это был Алекс. В его голосе слышался экстаз.

– Хой вернулась! Она приехала утром.

– Видишь, я говорила тебе, что она вернется.

Его возбуждение схлынуло, и он добавил:

– Но она не одна. Ее привезла сестра На и один из полицейских, о которых ты рассказывала мне.

– О нет! У тебя дома в гостях сидит На и полицейский?

Бедный Алекс, подумала я. Мы поговорили о том, какой невыносимой могла быть На. Он возненавидел ее с первого взгляда, прямо как и я.

– Что насчет Сумали и Шломо?

– Все сидят здесь. На только что звонила тебе. Что произошло?

– Это была На? – засмеялась я. – Вы должны сказать ей, что, когда она звонит по телефону, она должна представляться. Скажите ей, чтобы она говорила: «На пут, ка», – «это говорит На».

Алекс и я захихикали, «ка» была частицей речи, вежливо используемой женщинами в конце предложений. Некоторые женщины Патпонга и Исана использовали это. Образ На, говорящей вежливо эту частицу «ка», здорово повеселил нас. Даже мужчины-иностранцы, которые не говорили на тайском языке, знали о «ка». Все иностранцы пытались запомнить, как сказать хотя бы «привет» на тайском языке. От женщин мужчины переняли приветствие «Саватди ка» – («процветайте»). Только мужчины, как предполагалось, должны были использовать частицу «крап», а не «ка».

– Зачем На звонила мне?

– Я думаю, что она думает, что вы хорошие друзья, – сказал он с юмором.

Алекс обладал особым умением выдавать комичные комментарии.

– О нет!

Поскольку все, что я чувствовала по отношению к ней – это желание ее придушить, мне пришлось приложить усилия, чтобы показать себя с хорошей стороны.

– Да ну, ты, наверное, преувеличил. Я думаю, что она испытывает ко мне чувства, аналогичные моим.

На следующий день я поехала к нему на рикше. Теперь Сумали и Шломо занимали гостиную, а Хой, Алекс и На с полицейским жили в спальне. На приветствовала меня как давнего друга. Она схватила меня за запястье и держала его.

– Моя сестра На очень довольна фотографией, которую ты послала ей, – сказала Хой.

– Так я хотела отблагодарить ее за то, что она довезла меня в ту ночь.

– О Nisai Dee (у Клео хороший характер), – сказала На с улыбкой, и ударила меня в плечо.

– Отец тоже обрадовался, когда получил от тебя фото. Он сказал, что ты пишешь на тайском очень красиво.

Я вспомнила, что отец Хой дал мне свой адрес на вокзале в Убон. За него тогда написал начальник станции. Вероятно, ее отец был неграмотен.

– О, у тебя есть тушь? – спросила Хой, щурясь на мои ресницы. – Можно мне?

– Конечно. – Я порылась в сумке и отдала ей. – Разве у тебя нет своей?

– Я выбросила. Алекс не хочет, чтобы я выглядела сексуально.

– Ты прекрасна и без макияжа, – сказал Алекс.

Когда он смотрел на Хой, у него на лице был написан такой же восторг, что и у Шломо, когда тот смотрел на Сумали. Хой посмотрела на него игриво и кокетливо, но без особой страсти. Затем она пошла краситься в ванную, а Алекс принес мне фотографии, сделанные нами в Убон.

– Там их очень мало, потому что один деревенский парень перемотал пленку в фотоаппарате.

Он в отчаянии покачал головой.

– Как так у них вышло? – спросил он и расстроено поцокал языком. – Видимо, она не слушала все, что я говорил ей о размещении и перспективе предметов в кадрах.

– Она раньше никогда не использовала камеру! Не ожидай от нее гениальных фотографий с первой попытки.

Когда все были готовы, мы всемером сели в такси, что в Таиланде было обычным делом. Новички же поражались тому, как много

людей, детей и домашних животных можно было запихать в такси или моторикшу.

Мы встретились с тайско-китайским другом Алекса на экскурсии по чайнатауну. Китайский квартал в Бангкоке находился у железнодорожного терминала и назывался Яоварат. Друг Алекса провел нас вниз по улице, где выстроились магазины с вывесками, написанными золотыми иероглифами. Я никак не могла избавиться от мертвой хватки На и полицейского, которые вцепились в мой локоть. Бангкок был для них иностранным городом больше, чем для нас, фарангов. Когда мимо нас проезжал автобус, испуская за собой хвост черного дыма, деревенский полицейский выпучивал глаза и хватался за горло, а На зажимала нос. А мы и жители Бангкока не обращали на это внимания. Все общественные автобусы коптели по полной. Пока мы стояли на красный свет светофора, проезжавшие мимо автобусы и моторикши извергали черные клубы. Мы же, живущие тут, поняли, что единственный способ борьбы с этим – сделать вид, что проблемы не существует. На некоторых перекрестках города загрязнение воздуха было в двадцать раз выше допустимого уровня. Вы либо игнорируете это, либо переживаете понапрасну.

Хой шла с одной стороны, держа меня за локоть, иногда улыбаясь На, которая крепко держала меня за другую руку.

Когда Шломо и Сумали остановились, чтобы посмотреть на золотые ожерелья, На и полицейский «проверили» повозку китайской выпечки.

Алекс подошел ко мне.

– Мой друг хочет показать мне один бордель, где продаются девочки десяти и одиннадцати лет, – сказал он. – Они находятся здесь, в китайском квартале.

– И ты пойдешь туда? – спросила я.

– Нет, смотреть на это я не хочу. Мне больно смотреть на такое, боюсь, что буду потом плохо себя чувствовать.

– А я пойду.

– Я не думаю, что они впустят тебя. Это не похоже на Патпонг. Двери заперты. Проститутки как заключенные.

– ТОГДА ОНИ НЕ ПРОСТИТУТКИ!!! – воскликнула я.

Меня приводило в бешенство, как тайцы клеймили шлюх и любых невестенниц. Они считали их плохими, падшими, деградировавшими, независимо от того, как они оказались на этом пути и какого возраста они были. Тайцы считали секс мужской привилегией, и обвиняли женщин в том, что те были «нечисты». Для них статус падшей женщины давал им возможность оскорблять их.

– Десятилетних девочек продали борделю, где их держат силой – это РАБСТВО и НАСИЛИЕ. Проституция же – это обмен секса на деньги.

– Я согласен. Именно поэтому я не могу пойти. Кошмары мне обеспечены.

Да, это могло вызвать кошмары, но для меня эта информация проиллюстрировала бы то, что происходит, когда уклад ни во что не ставит женщин и придерживается двойного стандарта.

Затем мы остановились у кокосового киоска, чтобы Шломо мог чего-нибудь попить. Хой отвела меня в сторону.

– Друг Алекса и его подруга... я им не нравлюсь, – сказала она.

– Почему?

Она потупилась; казалось, что она вот-вот заплачет.

Когда я позже сказала об этом Алексу, он ответил:

– Да, это так. Они видят в Хой представительницу низшего класса. Они говорят мне, что я должен бросить ее и отправить обратно на Патпонг. Бангкокские люди смотрят сверху вниз на людей Исан. Они говорят, что она слишком невоспитанна.

– Я считаю, что Хой замечательная. А что тогда они думают о ее сестре На?

Алекс закатил глаза.

В субботу днем зазвонил телефон.

– Вы находитесь внутри? – сказал мужской голос на тайском языке.

– Кто это? – спросила я, волнуясь, что это могли быть полицейский и На, желающие пригласить меня куда-нибудь для того, чтобы я за них платила.

– Чай и друг.

Это был танцор гоу-гоу из Apollo Inn.

– Оу, вы где?

– Стоим внизу.

– Ну, хорошо, поднимайтесь.

Гости нашего дома обязаны были через телефонистку сообщить о своем визите. Так как Чай был родом с Северо-востока, я ожидала, что телефон для него будет также непривычен, как для На. Он никогда бы не подумал, что нужно звонить перед своим приходом. Появляться без предупреждения было нормальным делом для всех тайцев, но эта их привычка ужасно раздражала. Я приложила некоторое усилие, чтобы не показать характер, когда открывала дверь.

– Добро пожаловать, – сказала я, надеясь, что не выгляжу раздраженной.

Друг Чае выглядел молодым и свежим, как подросток, занимающийся в спортзале.

– Ему семнадцать, – сказал Чай.

– Ты тоже работаешь в Apollo Inn?

– Я работаю там всего восемь дней. Перед этим я спал в парке Люмпини, потому что не было денег.

– Он не гей, – сказал Чай.

Семнадцатилетний подросток уверенно это подтвердил.

– Но ты все равно идешь с мужчинами?

Он пожал плечами. Чай объяснил:

– Это работа. Многие мальчик в Аполлоне не геи. Они нуждаются в деньгах.

Я принесла им кока-колу, и мы сели на диван перед телевизором. Начались Олимпийские игры в Корее, и я хотела посмотреть церемонию открытия.

Когда в рекламе показали лифчик, парнишка округлил глаза. Чай засмеялся.

– Ему очень сильно нравятся женщины.

Мальчик согласился и показал мне фотографию обнаженной тайской женщины, которую достал из кармана.

– Я, может, сегодня вечером пойду на дискотеку, и найду себе там девчонку, – сказал он с бравадой.

– Он об этом мечтает, – сказал Чай. – Но если он не работает, он не ест.

Фанфары огласили начало открытия на сеульском стадионе – двигающиеся баннеры и женщины в традиционных платьях. Я была очень впечатлена, но мальчиков это, казалось, вообще не волновало. Они не интересовались тем, как живет страна, стертая с лица земли войной несколько десятилетий назад. Как могла создать такое грандиозное зрелище страна, вставшая из пепла? Эти тайцы посмотрели бы программу о том, как правительство станет развивать Исан.

Чтобы развлечь моих гостей, я достала тайскую игру Монополия. На доске не было места с названием Патпонг, но был Силом-Роуд, и все трое хотели занять его. Ребята никогда раньше не играли в Монополию. Друг Чае не мог прочесть игральные карточки, и ни один из них не был способен посчитать деньги или вносить изменения.

– Удон! – объявил Чай. – Я попал на Удон. Это мой дом! Я покупаю.

– Нет, ты не можешь купить его. Я уже владею им, – сказала я. – Теперь ты должен платить мне арендную плату.

– Ты меняться со мной? Я дам тебе Чиангмай.

– Эхх. Заплати мне 1000 батов арендной платы.

Друг Чай попал на игральную карточку. Чай и я прочитали ему и сказали, что он должен заплатить 1500 батов храмовый налог.

– Никто не платит 1500 батов, чтобы пойти в храм! Вы оба обманываете меня, – обвинил он нас.

– Это налог. На эти деньги они сделают ремонт, покроют новым сусальным золотом Будду, построят комнаты для монахов, – объяснила я.

– Когда ты поедешь со мной к моей семье в Шоп? – спросил меня Чай.

– Ммм... через три недели, пойдет?

Он просиял. Они никак не могли наглядеться на мою квартиру. Похоже, мой дом им казался домом миллионера.

Ночью на Патпонге я решила повторно посетить Понг и ее мужа Онг в Pussys Collection, но оказалось, что у обоих был свободный день. Это меня устраивало, потому что я хотела вернуться поскорее домой и по дороге заглянуть к Джеку.

Я нашла его на Силом-Роуд, он разговаривал с иностранцем. Я не хотела прерывать его работу и поняла по его жестам, что он занят, поэтому махнула ему рукой и пошла.

Джек окликнул меня.

– Куда ты направляешься? – спросил он, догнав, и протянул мне руку.

Вместо того чтобы потрясти ее, я крепко ее сжала.

– Домой, – ответила я.

Теперь мы просто стояли рядом и держались за руки. Иностранец выглядел недовольным из-за того, что Джек отвлекся на меня. Я не хотела, чтобы Джек потерял его из-за меня. Я видела, что испытывает Джек на своей работе, когда некоторые люди посылают его к чертям еще до того, как он обращается к ним.

– Увидимся завтра.

Мы постояли еще момент, рассматривая друг друга, затем, я поцеловала его в щеку и удалилась.

Аххх! Я должна была что-то предпринять, чтобы остановить это, иначе я буду в беде. Я была неспособна не реагировать на его привлекательность.

На следующий день я попала в Pussys Collection. Понг и Онг были там. Онг проводил меня вверх по лестнице и остался в дверях на несколько минут, в то время как я общалась с Понг. В этот раз я

отметила отношения между ними — близкие, наполненные любовью, глубокие. Она попросила его принести ее сумочку из дальней комнаты, и он побежал счастливый, выполняя ее поручение.

– У меня есть карта Таиланда с собой, – сказала я ей, разворачивая крупногабаритную вещь, которая была с размером с два стола.

Надо было следить, чтобы свеча не подожгла ее.

– Где, ты говорила, был твой дом?

– Пхичит, – сказала она, исследуя карту своим пальцем.

Карта была на тайском и на английском языке, но когда Понг начала смотреть в районе южного Таиланда, сказав мне, что приехала с Севера, я подумала, что ей нужна помощь.

– Это Чиангмай, – указала я на Северную столицу. – Пхичит около Чиангмая?

– Недалеко. Ближе к Бангкоку.

Теперь она смотрела на Бирму.

Я не понимала, как карта могла настолько ее запутать. Возможно, она не видела такого прежде. Или возможно она видела только карту на канале прогноза погоды по телевизору, с небольшими зонтиками и нарисованными улыбчивыми солнышками.

– Это – железнодорожная линия, – сказала я ей. – Рядом с Пхичитом проходят поезда?

Она кивнула и последовала пальцем по пестрой линии.

– Здесь, – сказала она наконец.

– Если хочешь, я могу свозить тебя туда на несколько дней, – предложила я. – Не сейчас, через два или три месяца. Тебе бы хотелось?

– Да. Онг тоже поедет.

– Онг тоже?

Я сразу подумала о дополнительных расходах, связанных с этим. Покупка билетов на поезд, двойные затраты на еду. И, скорее всего, эти влюбленные птички будут игнорировать меня, общаясь только друг с другом. И тут я заметила письмо в ее сумочке.

– Что это?

– Письмо от одного немца.

– Можно мне почитать?

Мне нужно было время, чтобы подумать о том, брать их с собой или нет. Я не была готова пожертвовать собой в угоду их к медовому месяцу.

Она вручила мне открытку с письмом.

Несколько месяцев назад этот человек провел четыре ночи в Таиланде. Приезжал в бар.

Открытка говорила о том, что ему пятьдесят лет, 1,85 метров ростом, и что он одинок. В письме говорилось о его одиночестве и о том, что он искал верную женщину. Он написал, что ему не нравилось отношение немецких женщин. Он хотел, чтобы Понг была с ним в Германии.

Письмо было настолько теплым, и я не понимала, почему она вредничает, пока она не сказала:

– Он уже возвращался в Бангкок. Он брать другую женщину. Не-хороший человек.

Когда я закончила и хотела уже уйти из бара, мне пришлось подождать, потому что группа фарангов заблокировала выход. Потребовалось десять минут, чтобы убедить их, что они не выйдут за двери, не оплатив их раздутый счет.

Закончив свои ночные дела, я зашла в Foodland на Патпонге-2. Дойдя до кассы, я увидела Джека у телефона возле двери. Он увидел меня в то же самое время и дал знак, чтобы я его подождала. Он выглядел расстроенным.

После этого он громко грохнул трубку об аппарат с горя, и подошел, не глядя на меня. Мы пошли пить кофе. Его поведение отличалось от его обычной любезности. Он даже не пожал мою руку. Я знала, что что-то случилось.

Когда мы спускались на Патпонг-2 к KFC, он неоднократно заламывал руки за головой, будто пытаясь облегчить бремя, висевшее на нем. Я задавалась вопросом – может, он рассержен на меня? Может Чу Чу Чарли сказал что-то? Может Джек узнал о моем исследовании? Он бы наверняка почувствовал себя преданным, думая, что я говорила с ним только для того, чтобы собрать информацию.

Я следовала за ним позади, так как узкая и переполненная улица не давала возможности идти вдвоем. Мне это не нравилось. Он шел так, будто был один, но когда поворачивался ко мне, его лицо казалось таким встревоженным, что я чувствовала себя все хуже и хуже.

Как только мы сели, я спросила его:

– В чем дело?

Он посмотрел в окно, оглянулся вокруг.

– Скажи мне...

Он начал говорить, но затем остановился.

– Я сделала что-то не так?

– Нет. Ты тут ни при чем. У меня проблемы из-за массажного салона. Гость решил, что не хочет девочку, но я уже уехал с деньгами. Теперь я должен отдать ему деньги. Я не хочу иметь плохую репу-

тацию в салоне. Но у меня нет денег. Мне нужно достать 500 батов. Можешь ли ты одолжить мне?

О-о-о, вот это новости. Мне не хотелось снова стать жертвой мошенничества. С другой стороны, он выглядел вполне серьезно расстроенным, и как друг, разве я не могла не помочь? Он, возможно, уже потратил 500 батов (20 долларов) за кофе для меня. Тем не менее, я колебалась. Я знала, что давать в долг – само по себе уже губительно для отношений.

Прекрасно, подумала я. Разве я не была обеспокоена по поводу того, как избавиться себя от опасных чувств, которые у меня возникли к нему? Вот и выход. Скорее всего, я никогда не увижу снова эти мои 20 баксов. И Джеку я бы этого простить не смогла, ну а он лишится моего общения из-за этого раз и навсегда.

– Хорошо, – сказала я ему, открывая кошелек и давая ему деньги.

– Я отдам тебе их завтра, будь уверена, – сказал он.

Мы тут же уехали. Я дала обещание самой себе: если он не вернет мне долг, то я больше никогда с ним не буду разговаривать. Это бы все уладилось. Я чувствовала себя наполовину свободной, думая, что нашла способ предотвратить роман с сутенером, но с другой стороны боялась, что буду скучать по нему, если он не вернет мне долг. На следующий день я купила билеты на поезд до Удон вместе с Чаем. Этим же вечером Джек жал мне руку и тепло приветствовал. Он, похоже, пришел в норму.

– Ты хочешь знать, что с твоими деньгами? – спросил он. – У меня нет их прямо сейчас, я только начал работать. Приходи позже и я отдам их тебе.

Звучало сомнительно. Я вошла в Apollo Inn, почти торжествуя, план сработал – мне не вернут деньги и все опасности будут позади. Другая моя половина чувствовала жалость от того, что все закончилось вот так.

Чай был рад, когда я сунула билеты ему в руку.

– Должна ли я оплатить бару за то, что забираю тебя на три дня? – спросила я его.

Я связалась в эту поездку, ограничившись двумя ночами в поезде и одной ночью в его семье. Те четыре ночи с Хой были чересчур для меня.

– Я уже сделал скидку для тебя у менеджера, – сказал он. – С тебя 120 батов вместо 200. Я беру еще один выходной день, таким образом, за три дня ты платишь 240 батов.

Выкупить мужчину оказалось дешевле, чем женщину.

На бэйджике Чая, прикрепленного к его бикини, было написано «№ 9». Шоу уже началось, и когда Чай пошел, чтобы заплатить менеджеру, я стала наблюдать за пятью двигающимися мальчиками на сцене. Они делали круговые движения бедрами, нацеливая свои мошонки на мужчин-фарангов, сидящих в зале. Они вкладывали больше энергии в свой танец, чем их коллеги-женщины. В своей колонке Тринк часто жаловался на нехватку энтузиазма в рядах девушек, работающих в гоу-гоу на постоянной основе.

– Саватди крап (здравствуйте), – сказал мальчик, сидящий в моей кабинке. Место было так набито работающими тут ребятами, что не было возможности даже подвинуть к себе стол. Тут вернулся Чай и рассказал мне о нем:

– Он мой сосед из Удона. Он приехал в Apollo Inn через несколько месяцев после меня. Он не знал, что я работаю здесь. Мы оба очень удивились. Многие мои соседи из Удона приезжают работать в бангкокские гей-бары. Но только я-то гей.

– А я не гей, – подтвердил сосед.

– Он – номер один «на выход» – сказал мне Чай, используя термин Патпонга «на выход», который означал, что клиент платит бару, чтобы снять его. – Он идет с гостем приблизительно двадцать раз за месяц. Он пользуется спросом у гостей гораздо больше чем другие мальчики. Он очень популярный и очень хорошенький.

– Раз ты не гей, значит, ты встречаешься с девочками? – спросила я «первый номер».

– Да, я хожу в массажные салоны, и плачу там за девочек 300 батов за час.

Покидая Apollo Inn, я пошла длинной дорогой к Патпонгу-2.

– Нет еще, – сказал Джек. – У меня еще нет денег.

Я не стала останавливаться для болтовни. По дороге домой у него опять не оказалось денег.

На следующий день он даже не заикнулся о деньгах. Он вел себя так, словно никакого долга никогда и не было. На следующий день я спросила его прямо, когда увидела:

– Где мои деньги?

– Ты все еще думаешь об этом? Хорошо, позже я отдам тебе.

Он открыл свой бумажник и показал мне его содержимое. Там было только 30 батов.

– Мы идем пить кофе? – спросил он. – У меня хватит на кофе.

– Нет, – сказала я и ушла.

Я больше не сердилась. Теперь я была просто зла. Ужасно зла.

Чтобы проводить свое исследование на Патпонге, я рассчитывала в первую очередь платить людям за то, чтобы получить себе их благосклонность. Очевидно, я вела себя не как подобает ученому-антропологу, каким я хотела бы быть. Я чувствовала себя ущемленной. Вероятно, Джек думал обо мне так же, как и о других фарангах, которых можно было дурить. Смешно. Я вела себя как женщина, которую отвергли в любви. Эти отношения с Джеком вышли из-под контроля. Надо вырваться из этого круга. Здесь мне может помочь моя злость. Я надеялась, что он никогда не отдаст мне деньги. Если он видел во мне обычного фаранга, то я тоже буду думать аналогично, размышляя о нем как о рядовом сутенере.

На следующий день я не остановилась как обычно, дойдя до его угла. На обратном пути, он зашагал рядом со мной, когда я шла в быстром темпе.

– Ты сердишься на меня? – спросил он.

Я не ответила.

– Из-за денег?

– Да.

Я надеялась, что он не скажет мне ничего хорошего.

– У меня нет сейчас денег.

Он выглядел настолько обеспокоенным, что я даже несколько смягчилась.

– Ты порвала мою фотографию? – спросил затем он.

Однажды мы с ним сфотографировались вместе на том самом углу, и потом я отдала ему копию.

– Нет, – ответила я, удивленная его напористостью.

– А ты бы расстроился, если бы я сделала это? – спросила я, ненавидя себя за вопрос.

Я не должна снова думать о его чувствах, я просто должна позволить этому закончиться и все!

– Нет, – в ответ сказал он, заставив меня чувствовать себя еще хуже. Он прошел со мной весь путь до универмага, где я должна была свернуть на Силом внутрь Сэлэдэенг-Роуд.

– До свидания, – сказала я таким тоном, чтобы он не пошел за мной дальше.

Он протянул руку для рукопожатия. Я проигнорировала его жест и ушла.

Уже будучи дома, я почувствовала себя глубоко несчастной. Главным образом я расстроилась, потому что он сказал, что не бу-

дет расстроен, если я разорву его фото. Затем я вспомнила про недоразумения, которые возникают между тайцами и фарангами по вопросам соглашения. Например, на вопрос: «Тебе не нравится это, не так ли?» – фаранг ответил бы «Нет», – и это означало бы, что не нравится. Но таец ответил бы на это «Да», и это бы имело другое значение: «Да, ты прав, мне это не нравится». И это становилось еще более запутанно для тех и других, которые знали о таких вот двусмысленностях. Я попыталась вспомнить, когда задавала ему вопрос о порванной фотографии, задумывался ли он над моим вопросом? Тогда я пришла в ярость на саму себя. Это было прекрасно, что мы больше не были в дружеских отношениях. Лучше все сохранить как есть.

Следующие несколько вечеров я сознательно проходила мимо, не смотря в его сторону. Но к моей досаде, прежде, чем я успевала подойти, другие зазывалы-сутенеры подбегали ко мне чтобы сообщить, что его нет на месте. Это стало еще больше раздражать меня, поскольку я понимала, что они врут. Я знала, что он работал каждый день без выходных. Он был там, но избегал меня!

Однажды ночью я задержалась на Патпонге дольше обычного. К тому времени, когда я миновала угол Джека, было уже поздно и все внимание зазывал было занято множеством прогуливающих туристов. Никто не видел меня до тех пор, пока я не оказалась в центре Патпонга-3, взглянув туда, где обычно стоял Джек. Он сидел на припаркованном мотоцикле, но не видел меня. Я подумала, какой же он восхитительный, такой молодой и ранимый.

Старший брат Джека заметил меня.

– Джек не приезжал сегодня работать, – сказал он. – Его нет здесь.

Улица была забита припаркованными транспортными средствами, продавцами футболок и гуляющими иностранцами. Хотя Джек был не более чем в десяти метрах от меня, нас разделяли велосипеды, корзины торгашей и просто люди.

– Он ведь здесь, – заявила я с усмешкой. – Вон же он.

Тем временем кто-то предупредил Джека. Я увидела, как он напрягся и застыл в оцепенении. Затем, не решаясь оглянуться, чтобы посмотреть, где я стою, он бросился на землю и наспех скрылся позади припаркованного фургона.

– Нет, он не здесь, – сказал снова старший брат.

Я так была ошарашена видом прячущегося Джека, что не стала спорить. Когда голова Джека мелькнула сквозь боковые окна фургона, я пошла прочь.

Как он мог так бояться увидеть меня? Я не хотела, чтобы он чувствовал себя подобно мыши из-за этих 20 баксов, которые он, возможно, потратил, угощая меня кофе. Проблемой были мои чувства к нему. Я ожидала, что люди Патпонга вытянут из меня своей хитростью столько, сколько могут. Мало того, что я не возражала, я чувствовала себя при этом лучше, зная, что у нас некое обоюдное соглашение. Я получу степень доктора философии благодаря этому. А с Джеком произошло то, что я от антропологии перешагнула на личности. Я бы хотела, чтобы он рассматривал меня по-другому. Из-за этой жалкой двадцатки я стала в его глазах монстром, защитила себя от увлеченности им. Как ужасно, что я заставила его чувствовать себя так неловко. Он уползал от меня будто рептилия. Но что еще хуже, я скучала по нему. На следующий день я купила маленького оловянного слоника. Вечером я сказала старшему брату:

– Вот, передай это Джеку. Скажи ему, что ему не надо больше скрываться от меня.

Позже, тем же вечером Джек нашел меня. На его лице сверкала обычная веселая усмешка, но глаза смотрели по-собачьи.

– Ты сделала подарок мне?

– Да, это для тебя.

– Почему? – Он прижимал руку к сердцу.

– Я не хочу, чтобы мы были врагами.

Он опустил глаза, потом посмотрел куда-то вдаль, и сказал:

– Мы идем в Dunkin' Donut.

Сейчас он шел медленнее, и мы шли нога в ногу по узкой улице. Когда мы сидели за столом, я заметила, что он выглядел взъерошенным, с прыщами на лице, его волосы торчали так, будто он все время нервно теребил их пальцами. Даже его рубашка помялась, хотя он отличался тем, что всегда аккуратно выглядел.

– Я плохой парень, – сказал он. – Я делать плохо, плохо твоему сердцу, я неудачник.

– Что-то случилось? Ты выглядишь расстроенными.

– Я устал. Не сплю.

– Как твоя язва?

Он покачал головой.

– Это причиняет боль?

– Болит все время. Я должен есть как можно чаще, тогда будет полегче. Меня плохо кормить когда я быть маленький. Когда моя мать родила меня, у нее было только 5 батов, которые она могла заработать, продавая еду на улице.

– Какую работу делал твой отец?

– Когда-то он покупал билеты на матчи по боксу и перепродавал их.

– Мелкий спекулянт.

– Теперь отец занимается гаданием. Я не нравлюсь ему. Моя семья никогда не хотела меня.

Джек смотрел все время вниз. Вид у него был угнетенный, и мне захотелось коснуться его руки. Все же я не сделала этого.

– Может быть, в один прекрасный день ты сможешь придти ко мне домой, – сказала я и тут же почувствовала шок от того, что позволила себе произнести это.

Он снова посмотрел на меня как побитая собака. Его черные глаза прищурились, как будто я причинила ему боль. Ссутулившись на своем стуле, он спросил:

– Почему? Нет, я не могу сделать этого. Может я вор.

Мы не долго сидели там. Ему надо было вернуться к работе, и он был слишком подавлен, чтобы вести долгие разговоры. Что же до меня, то я хотела побыстрее уйти, чтобы забыть о своем приглашении, а лучше всего было бы забрать его обратно.

Он пожал мою руку.

– Я увижу тебя завтра?

– Нет. Завтра я поеду в Удон.

– Охх! Удон! Почему ты едешь туда?

– Просто в гости. Всего лишь на несколько дней.

– Увидимся, когда ты вернешься в Бангкок.

И что теперь я имела? Я оказалась в той же самой ситуации, что и прежде, даже хуже. Он никогда не вернет мне деньги, зато теперь мы испытывали чувства вместе.

Все же частично я была счастлива. О-хо-хо, я все больше привязывалась к этому жулику. На самом деле, я не верила в то, что он вор. Хотя его работа заключалась в разводе и обмане туристов, я помнила, как он сказал мне, что порой работа заставляет его чувствовать себя отвратительно. Он был беден. Таиланд развивался как новая промышленная страна, и у него не было возможности поддержать свое население предоставлением рабочих мест для всех. Джек должен был отдавать все заработанные деньги своей матери. Как сказала однажды Сумали, люди иногда вынуждены делать вещи, которые они не хотели бы делать. С другой стороны, эта же философия означала, что если нужно стать вором чтобы выжить, то он мог бы им стать.